

Психологические исследования в полидисциплинарном дискурсе агентности: проблемы и перспективы

Ирина Мироненко

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2022 г.

Мироненко Ирина Анатольевна — доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6. E-mail: mironenko.irina1@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6234-6918>

Аннотация

Анализируются причины системных затруднений, которые испытывает мировой мейнстрим психологии в разработке представлений о психологическом содержании агентности как свойства человека инициировать изменение среды. Автор полагает, что для анализа содержания концепта «агентность» не годится старая методологическая оптика западноцентричного мейнстрима, сложившегося во второй половине XX в. и основанного на теоретической модели «вечного» человека, наделенного «универсальными» общечеловеческими качествами. В ситуации качественных и радикальных изменений социального мира, происходящих в последние десятилетия, в частности в условиях деструктуриации, перспективными оказываются исследовательские подходы, ориентированные на понимание личности как культурно зависимой и изменчивой сущности, прежде всего субъектно-деятельностный подход, развивающийся в российском дискурсе, а в мировой науке известный недостаточно. Субъектно-деятельностный подход автор рассматривает как альтернативу мейнстриму по теоретико-методологическим основаниям. При разработке проблемы психологического содержания агентности предлагается отказаться от доминирующих в мейнстриме диспозиций: от поиска «центра агентности» как отдельного компонента и подструктуры психики, в состав которого входят определенные функции и навыки, от поиска оснований агентности в сфере когний и рефлексии. Агентность следует рассматривать как системное свойство целостного индивида, индивидуально специфичное и складывающееся прижизненно, и фокус исследований должен быть перенесен в мотивационно-потребностную и волевую сферу. Обосновывается перспективность разработки проблемы агентности с позиций субъектно-деятельностного подхода как в части теории и методологии психологии, так и в части практических применений. Актуальность практических применений субъектно-деятельностного подхода в сфере образования обуславливается логикой социальных макропроцессов.

Ключевые слова

агентность, самодеятельность, проактивность, показатели и индикаторы агентности, деструктуриация, субъектно-деятельностный подход

Для цитирования

Мироненко И.А. (2024) Психологические исследования в полидисциплинарном дискурсе агентности: проблемы и перспективы. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 162–184. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-16476>

Psychological Research in the Multidisciplinary Discourse of Agency: Problems and Prospects

Irina Mironenko

Irina A. Mironenko — Doctor of Sciences in Psychology, Professor of the Department of Psychology, St. Petersburg State University. Address: 6, Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: mironenko.irina1@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6234-6918>

Abstract It is shown that the cause of the systemic difficulties experienced by the international mainstream of psychology in developing the problem of agency as a human ability to initiate a change in the environment is that the latter is a phenomenon that has not previously been the focus of attention for international psychology, and thus, for the analysis of which the old methodological optics of the Western-centric mainstream, which took shape in the second half of the 20th century and which is based on the theoretical model of the “universal” human, endowed with “universal” human qualities, is not applicable.

In the light of the theory of de-structuration (neo-structuration), focusing on qualitative and radical changes in the social world over the past decades, more promising approaches to understanding contemporary human personality are those grounding on considering personality as a culturally dependent and changeable entity, primarily the subjekt-activity approach which is developing in the Russian discourse and in the international science is not enough known. We consider the subjekt-activity approach not as one of those constituting the global mainstream, but as an alternative to the mainstream for theoretical and methodological grounds.

The prospects of developing the problem of agency from the standpoint of the subjekt-activity approach, both in terms of the theory and methodology of psychology, and in terms of practical applications, are substantiated. The relevance of practical applications of the subjekt-activity approach in the field of education is determined by the logic of social macro-processes. As a constructive approach to the development of the problem of agency in psychology, we propose to abandon the two dispositions that dominate in the mainstream: a) the search for the “center of agency” as a separate component and substructure of the psyche, which implements certain functions, skills, etc., — shifting to considering agency as a systemic and integral attribute of the individual, individually specific and developing during the lifetime (a “higher” psychic function); b) the search for the foundations of agency in the sphere of cognition and reflection — changing the focus of research to motivational and volitional sphere.

Keywords agency, self-activity, proactivity, indicators of agency, theory of de-structuration (neo-structuration), activity theory approach

For citing Mironenko I.A. (2024) Psikhologicheskie issledovaniya v polidistsiplinarnom diskurse agentnosti: problemy i perspektivy [Psychological Research in the Multidisciplinary Discourse of Agency: Problems and Prospects]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 162–184. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-16476>

Агентность, понимаемая как проактивность человека во взаимодействии со средой, в последние десятилетия стала одним из приоритетных направлений полидисциплинарных исследований во всем мире. Применительно к проактивности в современном дискурсе используется и множество других понятий, однако

«агентность» занимает среди них центральное место [Сорокин, 2021; Сорокин, Зыкова, 2021; Cavazzoni, Fiorini, Veronese, 2022; Мироненко, Сорокин, 2022]. Этот дискурс складывается из работ, относящихся к разным отраслям науки и практики, в частности к науке об управлении [Brown, Lent, 2016; Hall, Yip, Doiron, 2018; Kwon, Kim, 2020] и к исследованиям образования [Smith, Ulvik, 2017; Bartell et al., 2019; Shiner, Soto, De Fruyt, 2021; Мироненко, Сорокин, 2021; Сорокин, Фрумин, 2022; Sorokin, Froumin, 2022].

Выдвижение вопроса о проактивности человека по отношению к среде на передний план полидисциплинарных дискуссий продиктовано объективной необходимостью: этот вопрос приобрел практическую значимость в контексте актуальных социальных и экономических макропроцессов. На протяжении последних десятилетий происходит быстрое распространение нетрадиционных форматов занятости, таких как фриланс, самозанятость, работа через платформы, с характерным для них расширением возможностей управлять своим временем, трудовой нагрузкой и сферой делового общения [Mironenko, Sorokin, 2020; 2022; Sorokin, 2020]. Примером проактивности являются осуществляемые снизу инновации на рабочем месте, новые культурные и гражданские инициативы, возникающие как результат действий самих участников. Отмечая тенденцию к смягчению регламентации форм и способов деятельности институциональными правилами и требованиями, социологи говорят о набирающем силу в последние десятилетия, и особенно в последние годы, новом социальном явлении — деструктуризации [Sorokin, 2020; Сорокин, 2021]. В свете концепции деструктуризации встают вопросы о возможностях, проявлениях и эффектах такой индивидуальной активности, в том числе погруженной в организационные среды, которая проактивно преобразует окружающий социальный мир, потому что именно субъективная реальность личности оказывается ключевым генератором индивидуального действия. Главным фактором, обусловившим внимание ученых к проактивности субъекта, изменяющей среду его обитания и самого субъекта, стали очевидные изменения объективных реалий человеческой жизни. В обсуждение сущности и проявлений агентности активно включились представители разных отраслей науки и практики, которые рассматривают эту проблематику в контексте своей профессиональной картины мира, с использованием собственной методологии и понятийной системы. Противоречие между общей природой психологических свойств, предположительно лежащих за внешним разнообразием проявлений агентности в разных областях человеческой деятельности, и отсутствием в современной социально-гуманитарной науке единой рамки для их рассмотрения и соотнесения становится важной, если не главной, проблемой складывающегося в этой науке дискурса [Meyer, 2010; Cavazzo-

ni, Fiorini, Veronese, 2022; Мироненко, Сорокин, 2022] и затрудняет разработку проблемы агентности как полидисциплинарной.

Характеристики поведения и деятельности человека относятся к предметной сфере психологической науки, и логично ожидать, что именно в психологических исследованиях будет предложена общая рамка для упорядочивания полидисциплинарного поля разработок проблемы агентности. Индивид остается самим собой на работе и дома, в роли ученика в системе образования и в роли работника в организации. Предложенная психологами теоретическая модель могла бы позволить соотнести показатели и индикаторы агентности, наблюдаемые и измеряемые в разных областях жизнедеятельности.

**Показатели
и индикаторы
индивидуальной
агентности**

Вопрос о личностных основаниях агентности, ее психологическом содержании, проявлениях и индикаторах закономерно стал сегодня одним из самых обсуждаемых. В ряде обзорных работ [Heckhausen, Wrosch, Schulz, 2019; Koole et al., 2019; Rydzik, Anitha, 2019; Heckhausen, 2020; Shiner, Soto, De Fruyt, 2021; Cavazzoni, Fiorini, Veronese, 2022] раскрываются сущность индивидуальной агентности и ее проявления и показатели, доступные измерению.

Центральное место в дискурсе занимают две группы характеристик: «мягкие навыки» (*soft skills*), они же социально-эмоционально-поведенческие навыки (*social, emotional, and behavioral skills, SEB*), и характеристики направленности личности, включая ценностные ориентации, мотивы и интересы. Это два традиционных для психологии комплекса характеристик, отражающие то, что человек хочет (тенденции), и то, что он может (потенции, или возможности). Большинство теоретических моделей включает оба эти комплекса, но имеются и примеры более узкой трактовки агентности. Так, в высокоцитируемом обзоре методов оценки личностных различий в детстве и подростковом возрасте, в котором изменения в среднем детстве и подростковом возрасте рассматриваются как основа для формирования личностных различий у взрослых [Shiner, Soto, De Fruyt, 2021], выделяются четыре широкие области личностных проявлений: темперамент и характер; социальные, эмоциональные и поведенческие навыки; мотивация и агентность (включая цели, ценности и интересы); нарратив-идентичность. В такой трактовке понятие агентности используется в достаточно узком смысле, его содержание ограничено сферой побуждений и не включает, в отличие от многих других моделей, социальные, эмоциональные и поведенческие навыки.

За последние два десятилетия «мягкие навыки» привлекли большое внимание психологов, политиков, педагогов и экономистов, их значение для успешного социального и личностного развития стало предметом широких дискуссий [Кузьминов, Соро-

кин, Фрумин, 2019]. Человек, у которого развиты «мягкие навыки», способен поддерживать продуктивные социальные отношения, регулировать свои эмоции и управлять собственным поведением, направленным на достижение цели и обучение. Признание их важности для жизненного успеха означает необходимость перестройки образовательных программ с таким расчетом, чтобы они не только давали учащимся академические знания, но и создавали условия для обучения их социальным, эмоциональным и поведенческим навыкам. Так, при повторном анализе данных, собранных в *High-Scope Perry Preschool Program Longitudinal Study* [Heckman et al., 2010], обнаружено, что дети, которые в процессе дошкольного обучения в достаточной степени овладели «мягкими навыками», в дальнейшем были более успешными в школьном обучении, чем контрольная группа, притом что успешность в предметном обучении не оказала значимого влияния на долгосрочную перспективу развития когнитивных функций.

К категории «мягких навыков» относят широкий спектр способностей, необходимых для социальной адаптации, среди них выделяют типы навыков, которые можно соотнести с Большой пятеркой личностных черт. Наиболее часто применяющиеся для их оценки измерительные инструменты (опросники) представлены в табл. 1, они сопровождаются ссылками на подробные описания на сайтах разработчиков [Shiner, Soto, De Fruyt, 2021].

Таблица 1. Наиболее распространенные измерительные инструменты (опросники) для оценки навыков SEB [Shiner, Soto, De Fruyt, 2021. P. 123].

Измерительный инструмент	На основе каких данных разработан	Тип измеряемых навыков (<i>skill domains</i>) ¹	Измеряемые показатели навыков (<i>skill facets</i>)	Возраст оцениваемых	Кто оценивает	Сколько всего параметров
OECD ² Social-Emotional Skill Measure	Обзор литературы	Вступление в контакты (E); сотрудничество (A); выполнение заданий (C); эмоциональная устойчивость (<i>emotion regulation</i>) (ES); открытость опыту (<i>open-mindedness</i>) (O)	По 15 показателей к каждому из названных типов измеряемых навыков (<i>domains</i>), стремление к успеху и обшая самоэффективность	10–15 лет	Самоотчет, родитель, учитель	120 + 16

¹ В скобках указан соответствующий типу навыка показатель Big Five: A — Agreeableness, C — Conscientiousness, E — Extraversion, ES — Emotional Stability, O — Openness to Experience/Intellect.

² <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/educationataglance2019-dataandmethodology.htm>

Измерительный инструмент	На основе каких данных разработан	Тип измеряемых навыков (<i>skill domains</i>) ¹	Измеряемые показатели навыков (<i>skill facets</i>)	Возраст оцениваемых	Кто оценивает	Сколько всего параметров
Оценка социально-эмоциональной компетентности (<i>Social and Emotional Competency Assessment</i>) ³ (SECA)	Объединенная программа академического и социально-эмоционального обучения (CASEL); разработана при участии студентов университетов США	Навыки социальных отношений (<i>relationship skills</i>) (E); социальная включенность (<i>social awareness</i>) (A); самоорганизация (<i>self-management</i>) (C); самоконтроль (<i>self-awareness</i>) (ES + O); ответственное принятие решений (A + C).	Два показателя самоконтроля и три показателя самоорганизации к каждому типу навыков	Учащиеся начальной, средней и старшей школы	Самоотчет	40
<i>Tripartite Taxonomy of Character</i> (TTC) ⁴	Объединенная программа развития сильных сторон характера (<i>Character Strengths Framework</i>), разработана при участии студентов и преподавателей университетов США	Сильные стороны: в межличностном взаимодействии (A); внутриличностные (C); интеллектуальные (O + E)	Три показателя сильных сторон в межличностном взаимодействии, два показателя внутриличностных сильных сторон и три показателя интеллектуальных сильных сторон	Учащиеся начальной, средней и старшей школы	Самоотчет, родители, учителя	24
<i>Social and Emotional Nationwide Assessment</i> (SENNA) ⁵	Обзор литературы, выполнен в сотрудничестве со специалистами в сфере образования из Бразилии	Вступление в контакты (E); дружелюбие (<i>amity</i>) (A); самоорганизация (<i>self-management</i>) (C); эмоциональная устойчивость (<i>emotion regulation</i>) (ES); открытость опыту (<i>open-mindedness</i>) (O)	17 характеристик и по 17 аспектов самооэффективности применительно к ним	Учащиеся в возрасте 11–19 лет	Самоотчеты, оценки родителей, учителей	153

³ https://www.providenceschools.org/cms/lib/RI01900003/Centricity/Domain/942/InformationalSlides_SECA_SY20-21_v3.pdf

⁴ <https://measuringself.casel.org/wp-content/uploads/2019/08/AWG-Framework-Series-B.1.pdf>

⁵ <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.716639/full>

Измерительный инструмент	На основе каких данных разработан	Тип измеряемых навыков (<i>skill domains</i>) ¹	Измеряемые показатели навыков (<i>skill facets</i>)	Возраст оцениваемых	Кто оценивает	Сколько всего параметров
<i>Behavioral, Emotional and Social Skills Inventory</i> (BESSI) ⁶	Анализ структуры личности	Социальная включенность (<i>social engagement</i>) (E); сотрудничество (A); самоорганизация (<i>self-management</i>) (C); эмоциональная устойчивость (<i>emotion resilience</i>) (ES); инновационность (O)	29 аспектов и 3 компонента (рефлексия (<i>self-reflection</i>); адаптивность; самостоятельность (<i>capacity for independence</i>) для каждого типа	Старшеклассники и взрослые	Самоотчеты и оценки наблюдателей	192

Наиболее перспективными в контексте нашего понимания агентности представляются SECA и BESSI, в которых отчетливо выражена ориентация на измерение активности в отношении социальной среды, на деятельность, преобразующую окружающую действительность.

Помимо опросников для измерения навыков SEB используются комплексы тестовых ситуаций (*Situational Judgement Test*, SJT) или подборки задач, для решения которых нужны те или иные «мягкие навыки», например креативность (тест Торранса) или эмоциональный интеллект. SJT представляют собой описание проблемных ситуаций с ограниченным набором возможных решений, один из которых должен выбрать испытуемый. За каждый вариант выбора предусмотрен определенный балл, по сумме баллов судят об уровне развития навыка, на измерение которого направлен тест [MacCann, Roberts, 2008].

При использовании тестов на основе задач и SJT навыки SEB оцениваются по результатам деятельности, при этом решение задач рассматривается как реализация способности, ответы на SJT — как проявление тенденции к тем или иным поведенческим реакциям. Однако недостаток таких тестов состоит в том, что об их психометрических характеристиках обычно нет таких конкретных данных, какие есть для опросников. Особые опасения вызывает низкая надежность ряда тестов [Enkavi et al., 2019].

В сфере измерения «мягких навыков» немало специфических сложностей, в частности нуждаются в уточнении принципы оценки и показатели сформированности навыков SEB как поведенческих тенденций и как способностей; сохраняется приоритет оцен-

⁶ <http://www.sebskills.com/our-research.html>

ки общих навыков (по пяти «доменам», сопоставимым с Большой пятеркой личностных черт) перед исследованием более узких и конкретных проявлений SEB; нуждаются в уточнении сильные и слабые стороны использования опросников по сравнению с альтернативными методами диагностики «мягких навыков», например с их оценкой по показателям деятельности. Важной задачей остается разработка таких норм и принципов психодиагностики, которые обеспечат ее обоснованное, этическое и практичное использование в системе образования [Duckworth, Yeager, 2015].

В четырехкомпонентной структуре характеристик личности [Shiner, Soto, De Fruyt, 2021] агентность представлена как часть третьей подструктуры «мотивация и агентность: цели, ценности и интересы». Авторы этой модели используют наиболее популярные классификации названных характеристик. Так, основные цели молодежи в сфере образования подразделяются на два типа: направленные на достижение мастерства, на индивидуальное развитие и ориентированные на социальное сравнение и конкуренцию. В обеих группах различаются цели достижения успеха и цели избегания неудачи. Таким образом, в сфере образования выделяются цели достижения мастерства (обучение и совершенствование) и цели избегания его утраты (перфекционизм; боязнь, что способности снизятся, будут утрачены). В сфере межличностных отношений разделяются цели достижения успеха (демонстрация своей компетентности или попытки быть более результативным, чем другие) и цели избегания провала (стараться не выглядеть некомпетентным) [Sommet, Elliot, Sheldon, 2021].

В целях диагностики ценностей широко применяется известная модель универсальных ценностей Ш. Шварца. Она включает 10 категорий, которые в разной степени проявляются в разных культурах: власть, достижения, гедонизм, стимуляция, самоуправление, универсализм, доброжелательность, традиции, ответственность и безопасность. Эти категории образуют круговую структуру с двумя осями: от самоутверждения (забота о себе) до самопреодоления (забота о других, альтруизм), от консервации (сохранения статус-кво) до открытости изменениям.

Под интересами понимаются предпочтения в отношении проведения досуга, учебных занятий (работы) и тех ситуационных и средовых контекстов, в которых происходят занятия и отдых [Wille, De Fruyt, 2019]. Интересы играют существенную роль в формировании личности, определяя жизнедеятельность субъекта. Существует несколько вариантов классификации интересов [Nye, Rounds, 2019], но с 1970-х годов до сего дня наиболее распространенной и влиятельной остается модель RIASEC (*Realistic, Investigative, Artistic, Social, Enterprising, Conventional*) [Holland, 1997]. Д. Холланд выделяет шесть направленностей интересов — реалистическую, исследовательскую, артистическую (художествен-

ную), социальную, предпринимательскую и конвенциональную — и представляет их в виде шестиугольника, состоящего из трех пар противостоящих друг другу направленностей: реалистичная против социальной, исследовательская против предпринимательской, артистическая против конвенциональной. Эти характеристики используются для описания как людей, так и контекстов.

Цели, ценности и интересы служат ориентирами, направляющими активность (*agency*) детей и подростков разного возраста.

В целом мировой дискурс относительно общей структуры черт, относимых к свойству агентности в нашем понимании, а именно агентности как проактивности, весьма удачно отражен в двухкомпонентной структуре, предложенной авторами обзора, посвященного трансформирующей агентности [Сорокин, Зыкова, 2021]. Они видят структуру этого концепта состоящей из направленности, т.е. ценностей и установок, и социально-эмоциональных навыков. Для оценки этих составляющих агентности представляется возможным использовать модель ценностей Ш. Шварца и классификацию интересов Д. Холланда, а также классификацию типов (доменов) навыков, соответствующую Большой пятерке личностных черт.

Современные исследователи склонны отводить центральное место в «комплексе агентности» «мягким навыкам» и направленности. Однако попытки проанализировать международный дискурс с целью уточнить, какие именно «мягкие навыки» и какие именно особенности направленности наиболее значимы с точки зрения формирования агентности, не только не проясняют содержание этого концепта, но, напротив, делают его более неопределенным, поскольку в разных исследованиях вопрос о сущности и проявлениях агентности решается по-разному. Об этом свидетельствует, например, обзорная статья [Cavazzoni, Fiorini, Veronese, 2022], в которой анализируются 34 определения агентности, сформулированные авторами серьезных эмпирических исследований (подробно см. [Мироненко, Сорокин, 2022]). По мере расширения поля анализа увеличивается разнообразие характеристик личности, относимых к проявлениям или аспектам агентности, так что результат не удается структурировать в виде имеющего четкие границы комплекса с системообразующим ядром.

Таким образом, психологическая наука не предлагает сегодня общей рамки для соотнесения результатов полидисциплинарных исследований агентности. Публикуется все больше собственно психологических исследований агентности, но это в основном эмпирические работы прикладной направленности, в которых отсутствует не только единая теория, но и консенсус в понимании феноменологии агентности, ее проявлений. В обзорных публикациях по теме агентности уже традиционно отмечается путаница в трактовках: разными понятиями обозначаются сходные феномены, и, напротив, одно и то же понятие используется в разных зна-

чениях [Bandura, 2001; Baumeister, Tice, Vohs, 2018; Heckhausen, 2020; Inzlicht et al., 2021].

**Агентность
в контексте
доминирующей
теоретической
модели
личности**

В поиск психологического содержания агентности в современной мировой науке вовлечены большие силы, направляемые острым запросом практики. Почему же прояснить вопрос о сущности и проявлениях агентности не удастся и, напротив, задача предстанет все более сложной и запутанной? На наш взгляд, препятствием на пути конструктивной разработки проблемы агентности в западноцентричной психологии является несоответствие этой задаче той имплицитной теоретической модели человека, которая сложилась во второй половине XX в. и сегодня все еще определяет мировой мейнстрим.

Можно предположить, что причина доминирования среди работ, посвященных психологическому содержанию агентности, именно эмпирических исследований состоит в том, что в современной психологии представление об агентности как о свойстве индивида проактивно взаимодействовать с окружением, изменяя мир, не сформировалось как закономерный результат логики развития самой науки, ее теории и методологии, но было привнесено из широкой области социально-гуманитарной науки и практики, в которой дискурс агентности изначально возник. Возможно, именно такой запрос «смежников» инициировал в психологии соответствующие исследования.

С целью проверить предположение о «чужеродности» проблемы агентности в мировом психологическом дискурсе мы рассмотрели публикации, посвященные проблеме агентности, в высокорейтинговых журналах серии *Annual Reviews*, которые уже более 50 лет публикуют обширные и глубокие аналитические обзоры актуального состояния разработок в различных областях знания. Эти обзоры пишут известные ученые, признанные эксперты, специализирующиеся в рассматриваемой проблеме. Они фиксируют основные тренды, обозначают противоречия в подходах, сложившиеся и вновь возникающие тенденции. Мы ограничились журналами, представляющими ту часть полидисциплинарного дискурса, в которой сосредоточены публикации по проблеме агентности: это *Annual Review of Psychology*, традиционно занимающий первую строку в рейтинге психологических изданий SJR (издается с 1950 г., один том в год), и *Annual Review of Sociology* (издается с 1975 г., один том в год). Также в психологический дискурс мы включили более молодые специализированные журналы серий *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior* (выпускается с 2014 г.) и *Annual Review of Developmental Psychology* (издается с 2019 г.), недавно отпочковавшиеся от *Annual Review of Psychology* в результате бурного роста числа публикаций по со-

ответствующей тематике. Проводя поиск статей в каждом из названных журналов, мы использовали понятие *agency (agentic)* в качестве поискового термина, ограничивая зоны поиска названием статьи, ключевыми словами и аннотацией статьи. Затем результаты отбора анализировались вручную с целью отбросить публикации, где термин употреблялся в ином значении, нежели «проактивность человека», например в значении «агентство».

В *Annual Review of Sociology* всего отобрано 47 обзорных статей, при этом первые публикации по тематике агентности появились в 1985 г. В трех рассмотренных психологических журналах мы смогли отобрать всего 10 статей, которые относились к нашей тематике, из них 5 — за последние годы, начиная с 2018 г., а первая обзорная статья появилась лишь в 1998 г.

Очевидно, что западноцентричный психологический мейнстрим существенно позже включается в обсуждение проблематики агентности и его дискурс в этой области исследований менее фокусирован и определен, чем социологическая часть мирового социально-гуманитарного дискурса. И это неслучайно. В психологической науке, в частности в психологии личности, особенно важно обеспечить соответствие теоретико-методологической оптики научного анализа актуальным социально-культурным реалиям. Человек меняется, личность представляет собой социально конкретный феномен. В западноцентричном мейнстриме не удастся конструктивно концептуализировать проблему психологического содержания агентности как свойства человека инициативно генерировать изменение среды, потому что мы имеем дело с новым для психологии феноменом, который ранее не был здесь предметом внимания и исследования и для анализа которого просто не годится старая методологическая оптика.

Призывы выработать новое понимание личности звучат постоянно с момента появления психологии как науки. И это вполне естественно, ведь такое понимание должно отвечать требованиям времени, т.е. непрерывно меняющимся объективным условиям человеческого существования [Сорокин, 2023]. Вряд ли кто-то сегодня может отрицать историческую и культурную изменчивость человека. Все дело в том, насколько глубокие изменения человеческой природы готовы признать авторы психологических теорий (подробно об этом см. [Мироненко, Журавлев, 2019]). В XX в. в мировом западноцентричном психологическом мейнстриме доминировала вера в «вечного» и «универсального» человека, у которого культура изменяет лишь «программное обеспечение», не затрагивая «железа». В этом убеждении берет свое начало представление об актуальности концепций, сформулированных применительно к миру западной культуры второй половины XX в., в нашем глобальном радикально изменившемся мире [Там же].

Есть ли основания полагать, что мир за последние десятилетия изменился столь радикально, что применимость «вечных» теорий должна быть подвергнута сомнению? Социологи утверждают, что до недавнего времени основной вектор изменений определялся общепризнанным (в явной или неявной форме) в полидисциплинарном научном сообществе представлением о том, что современное общество — это, с одной стороны, общество растущего индивидуализма, где каждый человек рассматривается как самоценная автономная личность, а с другой — общество сильных структур, отношения которых с личностью и составляют скрытый нерв психической жизни. Базовый тезис современной социологической теории деструктуризации состоит в том, что указанные структуры слабеют и на наших глазах формируется новый социально-культурный порядок, в котором личность не просто автономна от социального окружения, что на самом деле невозможно, но является движущей силой формирования и изменения социальной среды.

Если исходить из представления о том, что социальный мир за последние несколько десятилетий радикально изменился и в основе формирования нового социально-культурного порядка лежит процесс деструктуризации, то наиболее перспективными подходами к концептуализации личности оказываются те, в которых личность рассматривается как культурно зависимая и изменчивая сущность и которые в мировой науке XX в. существовали как национальные и локальные научные традиции и относительно обособленные системы социально-гуманитарного знания [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018; Мироненко, Журавлев, 2019]. Прежде всего это культурно-историческая психология и субъектно-деятельностный подход, составившие основания российской психологии советского периода, об актуальности и значимости которых в современной мировой науке можно судить по показателям цитирования трудов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева.

Самодетельность – самостоятельность – агентность

Субъектно-деятельностный подход зародился в период тектонических социальных сдвигов начала XX столетия, он отвечал логике этих сдвигов, запросу стремительно меняющегося мира, социальному заказу на обоснование возможности радикально изменить мир и человека. Этот подход, основанный на принципе самодетельности, мог и должен был возникнуть в ситуации, когда объективно обостряется потребность в особой форме активности индивида — его творческой самодетельности, т.е. способности без опоры на образцы и трафареты сформировать образ мира из разрозненных, изменчивых и противоречивых впечатлений и фрагментов и действовать на основе этого образа. Понятие творческой самодетельности, введенное С.Л. Рубинштейном в его знаменитой статье 1922 г. [Рубинштейн, 1986], в которой он зало-

жил основания субъектно-деятельностного подхода, наилучшим образом отвечает пониманию агентности как проактивности личности по отношению к окружению — именно такому пониманию ищет определения современный полидисциплинарный дискурс.

Каким же представляется психологическое содержание агентности и каковы ее возможные проявления в свете субъектно-деятельностного подхода? В чем кардинальные отличия этого подхода к исследованию агентности от трендов, доминирующих в современном мейнстриме?

Во-первых, последователи субъектно-деятельностного подхода не считают творческую самодеятельность (агентность) чем-то специфическим, что проявляет себя лишь в определенном классе ситуаций и определенном типе действий. Напротив, она составляет сущность самого феномена человека и личности в принципиально неограниченном разнообразии проявлений взаимодействия с миром. Таким образом, разнообразие определений и проявлений агентности в современном дискурсе предстает не как досадное недоразумение, но как закономерное следствие самой природы агентности, которая является системным, целостным свойством целостного феномена человека, несводимым к каким-либо отдельным подсистемам и комплексам свойств.

Более того, человек в целом и все его подсистемы непрерывно изменяются, изменяя мир. В качестве исходной и родовой по отношению к человеку категории С.Л. Рубинштейн рассматривает мир (включая человека) как процесс, т.е. как непрерывное изменение взаимодействующих сущностей. Тогда встает вопрос о том, что является источником, причиной происходящих изменений. Ответом на этот вопрос и исходной характеристикой человека в контексте других явлений бытия становится его способность «самопричинения и самоопределения» изменений. Таким образом, человек предстает как часть динамического целого, а именно бытия, и может быть адекватно понят лишь исходя из своего места и значения в бытии, в мире, т.е. как изменяющее мир начало. Представление о человеке как об источнике и двигателе изменения мира радикально отличается от принятого в западноцентричном мейнстриме понимания агентности как способности справляться с навязываемой жизнью, т.е. определяемой социальными структурами, сложной и динамичной ситуацией. Человек, вносящий в поток бытия определенный тип изменений, в основе которых порождение нового на основе самоопределения и самопричинения, изменяет мир, сам изменяясь в процессах активного взаимодействия с окружением. Конечные цели и формы изменений не предзаданы: «...субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них созидается и определяется» [Рубинштейн, 1986. С. 106]. Поэтому агентность человека, ее психологические меха-

низмы и принимаемые ею формы принципиально не предзаданы и не ограничены. Это системное свойство человеческой психики, в основе которого все богатство психических функций в их развитии и изменении. При таком видении трудно рассчитывать найти в структуре психики ограниченный «комплекс агентности».

В субъектно-деятельностном подходе невозможно свести агентность к некоторому фиксированному набору компетенций или навыков. В поиске ее проявлений следует ориентироваться скорее на целостные характеристики, такие как стили и стратегии личности, характеризующие способ взаимодействия человека с миром. Основания такого поиска есть в работах К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, Е.А. Климова, В.И. Моросановой и др. С точки зрения концептуализации агентности чрезвычайно важной представляется максимально подчеркнутая в теории индивидуальности Б.Г. Ананьева и теории индивидуальных типов деятельности Е.А. Климова идея целостности стиля как свойства, во-первых, не предзаданного ни природой, ни культурным контекстом, изначально не присутствующего, но формируемого направленным усилием индивида, творящего самого себя во взаимодействии с миром, а во-вторых, индивидуально неповторимого по своему составу и структуре.

Такое представление о природе агентности радикально отличается от доминирующей сегодня веры в то, что за всем разнообразием проявлений агентности, обнаруженных в конкретно-психологических исследованиях и заложенных в определениях и способах измерения, скрывается некий отдельный компонент психики, ее подструктура в виде комплекса тех или иных компетенций, навыков и проч. — комплекса, ответственного за проявления агентности. Подразумевается, что этот «центр агентности» может быть выделен из общей структуры психики и даже локализован на уровне субстрата, т.е. мозговых механизмов. Предполагается, что на диагностику и развитие этого компонента, будь он найден, могут быть направлены специальные программы в системе образования и за ее пределами.

Во-вторых, в свете субъектно-деятельностного подхода требуется пересмотреть направление поиска основ агентности: мейнстрим сосредоточил все внимание на когнициях и рефлексии (подробно об этом см. [Мироненко, Сорокин, 2021; 2022]).

Примат когниций над аффектом — характерная особенность современного психологического мейнстрима. Она проявляется, в частности, в широком распространении так называемой теории двух систем [Cohen, 2017; Inzlicht et al., 2021], в которой сознательный контроль, произвольность действия, оттормаживание порывов, связываемых с эмоциями, отождествляются с проявлениями агентности и свободы. Модели двойственных систем (*dual systems models*) едва ли не самые популярные в психологических

исследованиях самого широкого круга. Эти модели разнообразны, но строятся на общем предположении, что в основе регуляции поведения лежит взаимодействие двух систем. Система № 1 (импульсивная система, система автоматического ответа, «горячая» система, быстрая система) определяет немедленный ответ на стимуляцию, особенно на эмоционально насыщенные стимулы. Импульсивная система — результат деятельности подкорки. Для поведения, регулируемого этой системой, характерны приоритетность близких целей перед отдаленными по времени, генерирование привычных и ригидных действий в ответ на стимул. Иными словами, «плохая» система, нежелательная. Система № 2 (система контроля, «холодная» система, планирующая система, система отставленного реагирования) медленная, здесь последовательно рассматриваются варианты поведения в ответ на воздействие среды, определяются цели, избирается тактика и стратегия их достижения на основе рассудочной деятельности. Эта система традиционно оценивается положительно, организуемое ею поведение считается желательным. При таком подходе инициация поведения, хотя и называется в числе значимых аспектов проактивного действия, остается вне основного фокуса исследований. Выбор целей предстает как функция когнитивных процессов, которые рассматриваются в духе компьютерной метафоры или решения задачи оптимизации. В обзорной статье «Свобода воли в научной психологии» известный американский психолог Р. Баумейстер пишет: «Осознанные, контролируемые процессы саморегуляции представляют собой важную составляющую того, что люди понимают под свободой воли» [Baumeister, 2008. P. 18]. Не сила, иницирующая движение, но, скорее, система тормозов: «Свободу воли надо понимать не как стартер или мотор, рождающий движение, скорее, это пассажир, который иногда хватается за руль, или даже просто навигатор, указывающий курс» [Ibid. P. 14].

Понимание человека как источника изменений бытия, в которое он включен как неотъемлемая часть, предполагает сосредоточение внимания на импульсе этих изменений, заложенном в человеке, на стремлении изменить мир, а не на используемых при этом средствах.

С.Л. Рубинштейн последовательно противопоставляет свое понимание человека как субъекта, источника и инициатора изменений действительности, включая и мир вокруг, и самого человека, — «подмене» человека его сознанием, отождествлению личности с рефлексивным сознанием: «...отправной пункт открытия бытия, реального существования — в чувственности, а не в мышлении (мышление производно и оперирует оно с сущностями, а не с существованием как таковым) <...> Первично даны не объекты созерцания, а объекты потребностей и действия человека» [Рубинштейн, 2003. С. 289]. С.Л. Рубинштейн постоянно

но и настойчиво подчеркивает реальность происходящего взаимодействия с миром для субъекта, реальность бытия субъекта в мире, во взаимодействии с жизненным контекстом. Именно эта реальность и обуславливает импульс активности субъекта. Таким образом, мир, в котором существует человек, не противопоставлен ему как объективная реальность, предстоящая его сознанию. Человек — часть бытия: «Человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию <...> Мир бытия, в котором мы находимся, — это его непосредственная данность, неотступность, очевидность, его неустранимость, со всех сторон нас объемлющая, его неотменяемость» [Там же. С. 288]. Активность человека в отношении мира определяется субъективным смыслом бытия, отражающим мир в отношении к потребностям субъекта.

Ключом к запуску творческих сил самосозидания в человеке становится реальная, бытийная значимость для него деятельности, направленной на объект. Антитезой ей выступает деятельность вынужденная, лишенная для человека смысла и интереса. Защитной стратегией по отношению к такой деятельности для нормального человека является «выучить (сделать), чтобы сдать, — и забыть». В отечественной психологии получены экспериментальные подтверждения того, что деятельность значимая, мотивированная, и деятельность, лишенная для субъекта самостоятельного значения, по-разному влияют на развитие его психических функций, в том числе даже базальных, традиционно относимых к «физиологической периферии» психики. Полвека назад Б.Г. Ананьев оспаривал доминировавшее в мировом дискурсе мнение, что пороги сенсорной чувствительности генетически определены и не могут быть изменены тренировкой [Ананьев, 1977]. На большом статистическом материале он показал: когда функционирование сенсорных систем становится частью значимой для субъекта деятельности, прежде всего трудовой, происходит сенсбилизация и стабилизация этих систем, даже за пределами возрастных оптимумов. Теория индивидуальности Б.Г. Ананьева как проект развития самостоятельной личности [Ананьев, 1968] остается недостаточно известной за пределами петербургской научной школы и в целом недооцененной в плане практических применений в педагогике.

В свете субъектно-деятельностного подхода умение делать выбор заключается не в вычислении рациональных путей к заданным целям, а в способности выбирать цели, соответствующие своим потребностям и потенциям, и в процессе достижения этих целей происходит становление самого деятеля.

Заключение Проблема агентности пришла в западнцентричный мировой психологический мейнстрим из практики современного культурного и

цивилизационного развития. Она привнесена той новой социальной реальностью, которая возникла за последние десятилетия и которая разительно отличается от мира середины XX столетия, когда сложились классические теории западноцентричного мейнстрима, отразившие психологию человека либеральной западной демократии, который ищет для себя смыслы и самореализуется в мире сильных структур в соответствии с диктуемыми этими структурами законами [Mironenko, Sorokin, 2022]. Этого общества больше нет. Мир изменился, и уже возник новый тип человека, который соответствует новой социальной реальности, который занят не саморефлексией и самоизменением, но изменением мира вокруг себя. Его агентность является трансформирующей. В качестве новой методологической оптики для анализа человека в изменяющемся мире более перспективным представляется субъектно-деятельностный подход, который предлагает не только новую теоретическую модель человека, но и на ее основе новые подходы к практике.

С точки зрения субъектно-деятельностного подхода для развития агентности в системе образования существует только один путь — индивидуализация обучения на основе собственной инициативы ребенка. Но возможна ли детская самостоятельность в современной школе? Этот вопрос выносят в заголовок статьи исследователи, в фокусе внимания которых трансформации, происходящие в культуре на протяжении последних десятилетий, в частности определенная гуманизация, «поворот к человеку», ослабление жесткости предписаний и норм, некоторый сдвиг от «культуры полезности» к «культуре достоинства» (используя выражение А.Г. Асмолова) [Поливанова, Бочавер, 2022]. В свете этих трансформаций авторы говорят о необходимости рассматривать школьное детство не только и, возможно, не столько как подготовку к будущей взрослой жизни (прежде всего «к труду на пользу обществу»), но и как время, обладающее самостоятельной ценностью, время собственной жизни ребенка. И ребенок заслуживает некоторой свободы и самостоятельности в выборе способов это время проводить. Взгляд психологов закономерно сфокусирован здесь на ребенке, на его развитии, которое представляется самооценностью, в то время как макропроцессы, происходящие в социальной реальности, выступают как ограничения или даже угрозы свободному развитию: «Скруплезный взгляд психологии, зерна нового знания о развитии могут быть обесценены погружением их в реальность социальных процессов и обстоятельств или существенно искажены. Механизмы появления новых психологических характеристик в реальности школы могут не сработать, поскольку окажутся в ситуации, их блокирующей» [Там же. С. 12]. Мы разделяем мнение авторов о необходимости развивать детскую самостоятельность в современной системе образования, учитывая при этом фактор социальных макропроцессов, и полага-

ем, что сегодня самым ходом социальных процессов объективно востребована перестройка школы на основе принципа развития инициативы ученика и субъектно-деятельностный подход способен обеспечить теоретико-методологическую базу для соответствующих разработок. К.Н. Поливанова и А.А. Бочавер справедливо указывают на то, что современной школе свойственны черты тоталитарного социального института. Но тоталитарные институты могут органично и устойчиво существовать только в тоталитарном обществе. В нынешней ситуации радикальных и непрерывных изменений социума центром новой педагогики, о которой писал С.Л. Рубинштейн, с неизбежностью должен стать ребенок, учащийся. Усилия школы должны быть направлены на развитие его инициативы через подкрепление интереса к деятельности в зоне его ближайшего развития, которая может быть так же разнообразна, как и способности ребенка: «...тем, что он делает, можно определять то, что он есть: направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» [Рубинштейн, 1986. С. 107]. В оптике субъектно-деятельностного подхода объективная востребованность перестройки школы на основе принципа развития инициативы ученика представляется закономерным следствием хода социальных макропроцессов.

Благодарности В статье использованы результаты, полученные при выполнении проекта в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

1. Ананьев Б.Г. (1977) Сенсорно-перцептивная организация человека. *О проблемах современного человекознания*. М.: Наука.
2. Ананьев Б.Г. (1968) *Человек как предмет познания*. Л.: Издательство Ленинградского университета.
3. Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В. (2018) Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы. *Психологический журнал*, т. 39, № 2, сс. 58–71. <http://dx.doi.org/10.7868/s020595921802006x>
4. Кузьминов Я.И., Сорокин П.С., Фрумин И.Д. (2019) Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования. *Форсайт*, т. 13, № 2, сс. 19–41. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>
5. Мироненко И.А., Журавлев А.Л. (2019) Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека. *Психологический журнал*, т. 40, № 6, сс. 87–98. <http://dx.doi.org/10.31857/S020595920007321-9>
6. Мироненко И.А., Сорокин П.С. (2022) Проблема проактивности личности во взаимодействии со средой в современном международном дискурсе. *Психологический журнал*, т. 43, № 4, сс. 79–89. <https://doi.org/10.31857/S020595920021483-7>
7. Мироненко И.А., Сорокин П.С. (2021) К вопросу о волевых свойствах личности в контексте проблемы развития предпринимательского элемента человеческого потенциала в системе высшего образования. *Вестник Ле-*

- нинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, № 4, сс. 117–136. https://doi.org/10.35231/18186653_2021_4_117
8. Поливанова К.Н., Бочавер А.А. (2022) Возможна ли детская самостоятельность в современной школе? *Психологическая наука и образование*, т. 27, № 3, сс. 6–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270301>
 9. Рубинштейн С.Л. (2003) *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер.
 10. Рубинштейн С.Л. (1986) Принцип творческой самостоятельности. *Вопросы психологии*, № 4, сс. 101–108.
 11. Сорокин П.С. (2023) Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития. *Социологические исследования*, № 3, сс. 103–114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>
 12. Сорокин П.С. (2021) «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Социология*, т. 21, № 1, сс. 124–138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>
 13. Сорокин П.С., Зыкова А.В. (2021) «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5, С. 216–241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>
 14. Сорокин П.С., Фрумин И.Д. (2022) Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 116–137. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-116-137>
 15. Bandura A. (2001) Social Cognitive Theory: An Agentic Perspective. *Annual Review of Psychology*, vol. 52, pp. 1–26.
 16. Bartell T., Cho C., Drake C., Petchauer E., Richmond G. (2019) Teacher Agency and Resilience in the Age of Neoliberalism. *Journal of Teacher Education*, vol. 70, no 4, pp. 302–305. <http://dx.doi.org/10.1177/0022487119865216>
 17. Baumeister R.F. (2008) Free Will in Scientific Psychology. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 3, no 1, pp. 14–19. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-6916.2008.00057.x>
 18. Baumeister R.F., Tice D.M., Vohs K.D. (2018) The Strength Model of Self-Regulation: Conclusions from the Second Decade of Willpower Research. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 13, no 2, pp. 141–145. <http://dx.doi.org/10.1177/1745691617716946>
 19. Brown S.D., Lent R.W. (2016) Vocational Psychology: Agency, Equity, and Well-Being. *Annual Review of Psychology*, vol. 67, no 1, pp. 541–565. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-psych-122414-033237>
 20. Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. (2022) How Do We Assess How Agentic We Are? A Literature Review of Existing Instruments to Evaluate and Measure Individuals' Agency. *Social Indicators Research*, vol. 159, September, pp. 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>
 21. Cohen J.D. (2017) Cognitive Control: Core Constructs and Current Considerations. *Wiley Handbook of Cognitive Control* (ed. T. Egner), Malden, MA: Wiley, pp. 3–28.
 22. Duckworth A.L., Yeager D.S. (2015) Measurement Matters: Assessing Personal Qualities Other Than Cognitive Ability for Educational Purposes. *Educational Researcher*, vol. 44, no 4, pp. 237–251. <http://dx.doi.org/10.3102/0013189X15584327>
 23. Enkavi A.Z., Eisenberg I.W., Bissett P.G., Mazza G.L., MacKinnon D.P., Marsch L.A., Poldrack R.A. (2019) Large-Scale Analysis of Test-Retest Reliabilities of Self-Regulation Measures. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 116, no 12, pp. 5472–5477. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1818430116>
 24. Hall D.T., Yip J., Doiron K. (2018) Protean Careers at Work: Self-Direction and Values Orientation in Psychological Success. *Annual Review of Organizational*

- Psychology and Organizational Behavior*, vol. 5, no 1, pp. 129–156. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032117-104631>
25. Heckhausen J. (2020) Integrating and Instigating Research on Person and Situation, Motivation and Volition, and Their Development. *Motivation Science*, vol. 6, no 3, pp. 185–188. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/mot0000166>
 26. Heckman J.J., Moon S.H., Pinto R., Savelyev P.A., Yavitz A. (2010) The Rate of Return to the High/Scope Perry Preschool Program. *The Journal of Public Economics*, vol. 94, no 1–2, pp. 114–128. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jpubeco.2009.11.001>
 27. Heckhausen J., Wrosch C., Schulz R. (2019) Agency and Motivation in Adulthood and Old Age. *Annual Review of Psychology*, vol. 70, pp. 191–217. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103043>
 28. Holland J.L. (1997) *Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
 29. Inzlicht M., Werner K.M., Briskin J.L., Roberts B.W. (2021) Integrating Models of Self-Regulation. *Annual Review of Psychology*, vol. 72, no 1, pp. 319–345. <https://doi.org/10.31234/osf.io%2Fdpjye>
 30. Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N. (2019) Becoming Who You Are: An Integrative Review of Self-Determination Theory and Personality Systems Interactions Theory. *Journal of Personality*, vol. 87, no 1, pp. 15–36. <http://dx.doi.org/10.1111/jopy.12380>
 31. Kwon K., Kim T. (2020) An Integrative Literature Review of Employee Engagement and Innovative Behavior: Revisiting the JD-R Model. *Human Resource Management Review*, vol. 30, no 2, Article no 100704. <http://dx.doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.100704>
 32. MacCann C., Roberts R.D. (2008) New Paradigms for Assessing Emotional Intelligence: Theory and Data. *Emotion*, vol. 8, no 4, pp. 540–551. <http://dx.doi.org/10.1037/a0012746>
 33. Meyer J.W. (2010) World Society, Institutional Theories, and the Actor. *Annual Review of Sociology*, vol. 36, pp. 1–20. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102506>
 34. Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2022) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, vol. 56, no 1, pp. 1055–1071. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09587-4>
 35. Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2020) Concerning Paradigmatic Status of Psychological Science: For a Flexible and Flowing Psychology in the Face of Practical and Theoretical Challenges. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, vol. 54, no 3, pp. 604–612. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09530-7>
 36. Nye C.D., Rounds J. (eds) (2019) *Vocational Interests in the Workplace: Rethinking Behavior at Work*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315678924>
 37. Rydzik A., Anitha S. (2019) Conceptualising the Agency of Migrant Women Workers: Resilience, Reworking and Resistance. *Work, Employment and Society*, vol. 34, no 5, pp. 883–899. <http://dx.doi.org/10.1177/0950017019881939>
 38. Shiner R.L., Soto Ch.J., De Fruyt F. (2021) Personality Assessment of Children and Adolescents. *Annual Review of Developmental Psychology*, vol. 3, pp. 113–137. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-devpsych-050620-114343>
 39. Smith K., Ulvik M. (2017) Leaving Teaching: Lack of Resilience or Sign of Agency? *Teachers and Teaching*, vol. 23, no 8, pp. 928–945. <https://doi.org/10.1080/13540602.2017.1358706>
 40. Sommet N., Elliot A.J., Sheldon K.M. (2021) Achievement Goal Complexes: Integrating the “What” and the “Why” of Achievement Motivation. *Handbook of Personality: Theory and Research* (eds O.P. John, R.W. Robins). New York, NY: Guilford, pp. 104–121.

41. Sorokin P.S. (2020) The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: "Otherhood" through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism. *The American Sociologist*, vol. 51, no 4, pp. 506–525. <https://doi.org/10.1007/s12108-020-09468-8>
42. Sorokin P.S., Froumin I. (2022) 'Utility' of Education and the Role of Transformative Agency: Policy Challenges and Agendas. *Policy Futures in Education*, vol. 20, no 2, pp. 201–214. <http://dx.doi.org/10.1177/14782103211032080>
43. Wille B., de Fruyt F. (2019) Development of Vocational Interests in Adulthood. *Vocational Interests in the Workplace: Rethinking Behavior at Work* (eds C.D. Nye, J. Rounds), New York, NY: Routledge, pp. 251–279.

References

- Ananiev B.G. (1977) Sensorno-pertseptivnaya organizatsiya cheloveka [Sensory-Perceptual Organization of Man]. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya* [On the Problems of Modern Human Knowledge]. Moscow: Nauka.
- Ananjev B.G. (1968) *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an Object of Knowledge]. Leningrad: Leningrad University.
- Bandura A. (2001) Social Cognitive Theory: An Agentic Perspective. *Annual Review of Psychology*, vol. 52, pp. 1–26.
- Bartell T., Cho C., Drake C., Petchauer E., Richmond G. (2019) Teacher Agency and Resilience in the Age of Neoliberalism. *Journal of Teacher Education*, vol. 70, no 4, pp. 302–305. <http://dx.doi.org/10.1177/0022487119865216>
- Baumeister R.F. (2008) Free Will in Scientific Psychology. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 3, no 1, pp. 14–19. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-6916.2008.00057.x>
- Baumeister R.F., Tice D.M., Vohs K.D. (2018) The Strength Model of Self-Regulation: Conclusions from the Second Decade of Willpower Research. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 13, no 2, pp. 141–145. <http://dx.doi.org/10.1177/1745691617716946>
- Brown S.D., Lent R.W. (2016) Vocational Psychology: Agency, Equity, and Well-Being. *Annual Review of Psychology*, vol. 67, no 1, pp. 541–565. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-psych-122414-033237>
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. (2022) How Do We Assess How Agentic We Are? A Literature Review of Existing Instruments to Evaluate and Measure Individuals' Agency. *Social Indicators Research*, vol. 159, September, pp. 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>
- Cohen J.D. (2017) Cognitive Control: Core Constructs and Current Considerations. *Wiley Handbook of Cognitive Control* (ed. T. Egner), Malden, MA: Wiley, pp. 3–28.
- Duckworth A.L., Yeager D.S. (2015) Measurement Matters: Assessing Personal Qualities Other Than Cognitive Ability for Educational Purposes. *Educational Researcher*, vol. 44, no 4, pp. 237–251. <http://dx.doi.org/10.3102/0013189X15584327>
- Enkavi A.Z., Eisenberg I.W., Bissett P.G., Mazza G.L., MacKinnon D.P., Marsch L.A., Poldrack R.A. (2019) Large-Scale Analysis of Test-Retest Reliabilities of Self-Regulation Measures. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 116, no 12, pp. 5472–5477. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1818430116>
- Hall D.T., Yip J., Doiron K. (2018) Protean Careers at Work: Self-Direction and Values Orientation in Psychological Success. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, vol. 5, no 1, pp. 129–156. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032117-104631>
- Heckhausen J. (2020) Integrating and Instigating Research on Person and Situation, Motivation and Volition, and Their Development. *Motivation Science*, vol. 6, no 3, pp. 185–188. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/mot0000166>
- Heckman J.J., Moon S.H., Pinto R., Savelyev P.A., Yavitz A. (2010) The Rate of Return to the High/Scope Perry Preschool Program. *The Journal of Public Economics*, vol. 94, no 1–2, pp. 114–128. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jpubeco.2009.11.001>

- Heckhausen J., Wrosch C., Schulz R. (2019) Agency and Motivation in Adulthood and Old Age. *Annual Review of Psychology*, vol. 70, pp. 191–217. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103043>
- Holland J.L. (1997) *Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
- Inzlicht M., Werner K.M., Briskin J.L., Roberts B.W. (2021) Integrating Models of Self-Regulation. *Annual Review of Psychology*, vol. 72, no 1, pp. 319–345. <https://doi.org/10.31234/osf.io%2Fdjpye>
- Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N. (2019) Becoming Who You Are: An Integrative Review of Self-Determination Theory and Personality Systems Interactions Theory. *Journal of Personality*, vol. 87, no 1, pp. 15–36. <http://dx.doi.org/10.1111/jopy.12380>
- Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. (2019) Obshchie i spetsial'nye navyki kak komponenty chelovecheskogo kapitala: novye vyzovy dlya teorii i praktiki obrazovaniya [Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice]. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 2, pp. 19–41. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>
- Kwon K., Kim T. (2020) An Integrative Literature Review of Employee Engagement and Innovative Behavior: Revisiting the JD-R Model. *Human Resource Management Review*, vol. 30, no 2, Article no 100704. <http://dx.doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.100704>
- MacCann C., Roberts R.D. (2008) New Paradigms for Assessing Emotional Intelligence: Theory and Data. *Emotion*, vol. 8, no 4, pp. 540–551. <http://dx.doi.org/10.1037/a0012746>
- Meyer J.W. (2010) World Society, Institutional Theories, and the Actor. *Annual Review of Sociology*, vol. 36, pp. 1–20. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102506>
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2022) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, vol. 56, no 1, pp. 1055–1071. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09587-4>
- Mironenko I., Sorokin P. (2022) Problema proaktivnosti lichnosti vo vzaimodeystvii so sredoy v sovremennom mezhdunarodnom diskurse [The Problem of Human Agency in Contemporary International Science]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 43, no 4, pp. 79–89. <https://doi.org/10.31857/S020595920021483-7>
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2021) K voprosu o volevykh svojstvakh lichnosti v kontekste problem razvitiya predprinimatel'skogo elementa chelovecheskogo potentsiala v sisteme vysshego obrazovaniya [Concerning the Importance of Volitional Characteristics in the Context of the Problem of Formation of the Entrepreneurial Element of Human Potential in Higher Education System]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, no 4, pp. 117–136. https://doi.org/10.35231/18186653_2021_4_117
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2020) Concerning Paradigmatic Status of Psychological Science: For a Flexible and Flowing Psychology in the Face of Practical and Theoretical Challenges. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, vol. 54, no 3, pp. 604–612. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09530-7>
- Mironenko I.A., Zhuravlev A.L. (2019) Biosotsial'naya problema v kontekste global'noy psikhologicheskoy nauki: ob universal'nykh kharakteristikakh cheloveka [The Biosocial Problem in the Context of Global Psychological Science: Concerning the “Universal” Human Psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 40, no 6, pp. 87–98. <http://dx.doi.org/10.31857/S020595920007321-9>
- Nye C.D., Rounds J. (eds) (2019) *Vocational Interests in the Workplace: Rethinking Behavior at Work*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315678924>
- Polivanova K.N., Bochaver A.A. (2022) Vozmozhna li detskaya samostoyatel'nost' v sovremennoy shkole? [Is Students' Autonomy Possible at Contemporary

- School?] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie / Psychological Science and Education*, vol. 27, no 3, pp. 6–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270301>
- Rubinstein S.L. (2003) *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Man and the World]. Saint Petersburg: Piter.
- Rubinstein S.L. (1986) Printsip tvorcheskoy samostoyatel'nosti [The Principle of Creative Self-Activity]. *Voprosy Psichologii*, no 4, pp. 101–108.
- Rydzik A., Anitha S. (2019) Conceptualising the Agency of Migrant Women Workers: Resilience, Reworking and Resistance. *Work, Employment and Society*, vol. 34, no 5, pp. 883–899. <http://dx.doi.org/10.1177/0950017019881939>
- Shiner R.L., Soto Ch.J., De Fruyt F. (2021) Personality Assessment of Children and Adolescents. *Annual Review of Developmental Psychology*, vol. 3, pp. 113–137. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-devpsych-050620-114343>
- Smith K., Ulvik M. (2017) Leaving Teaching: Lack of Resilience or Sign of Agency? *Teachers and Teaching*, vol. 23, no 8, pp. 928–945. <https://doi.org/10.1080/13540602.2017.1358706>
- Sommet N., Elliot A.J., Sheldon K.M. (2021) Achievement Goal Complexes: Integrating the “What” and the “Why” of Achievement Motivation. *Handbook of Personality: Theory and Research* (eds O.P. John, R.W. Robins). New York, NY: Guilford, pp. 104–121.
- Sorokin P.S. (2023) Problema “agentnosti” cherez prizmu novoy real'nosti: sostoyanie i napravleniya razvitiya [The Problem of “Agency” Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives]. *Sotsiologicheskie issledovaniya / Sociological Studies*, no 3, pp. 103–114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>
- Sorokin P.S. (2021) “Transformiruyushchaya agentnost” kak predmet sotsiologicheskogo analiza: sovremennye diskussii i rol' obrazovaniya [“Transformative Agency” as an Object of Sociological Analysis: Contemporary Discussions and the Role of Education]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no 1, pp. 124–138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>
- Sorokin P.S. (2020) The Promise of John W. Meyer’s World Society Theory: “Otherhood” through the Prism of Pitirim A. Sorokin’s Integralism. *The American Sociologist*, vol. 51, no 4, pp. 506–525. <https://doi.org/10.1007/s12108-020-09468-8>
- Sorokin P.S., Froumin I.D. (2022) Obrazovanie kak istochnik dejstviya, sovershenstvuyushchego struktury: teoreticheskie podkhody i prakticheskie zadachi [Education as a Source for Transformative Agency: Theoretical and Practical Issues]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 116–137. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-116-137>
- Sorokin P.S., Froumin I. (2022) ‘Utility’ of Education and the Role of Transformative Agency: Policy Challenges and Agendas. *Policy Futures in Education*, vol. 20, no 2, pp. 201–214. <http://dx.doi.org/10.1177/14782103211032080>
- Sorokin P.S., Zykova A.V. (2021) “Transformiruyushchaya agentnost” kak predmet issledovaniy i razrobotok v XXI veke: obzor i interpretatsiya mezhdunarodnogo opyta [“Transformative Agency” as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 216–241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>
- Wille B., de Fruyt F. (2019) Development of Vocational Interests in Adulthood. *Vocational Interests in the Workplace: Rethinking Behavior at Work* (eds C.D. Nye, J. Rounds), New York, NY: Routledge, pp. 251–279.
- Zhuravlev A.L., Mironenko I.A., Yurevich A.V. (2018) Psikhologicheskaya nauka v global'nom mire: vyzovy i perspektivy [Psychological Science in the Global World: Challenges and Prospects]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 39, no 2, pp. 58–71. <http://dx.doi.org/10.7868/s020595921802006x>